

*Клоду Лелюшу
Моему брату Янику
Ушедшим Жерому Шоссену
и Жан-Полю Дидьеролану*

Об авторе

Валери Перрен – одна из главных французских писательниц современности.

Ее книги надежно занимают первые строчки бестселлеров Франции. Она – литературный феномен нашего времени.

Тата – (ударение на последний слог) во французском языке ласковое и неформальное обращение к родной тете. Часто используется детьми и взрослыми, чтобы подчеркнуть особую близкую связь и выразить силу любви.

2010. Самюэль Пати^[1], Симона Вейль^[2], Милош Форман и Елизавета II еще живы. Барак Обама президент США. Талибы не сумели вернуть себе власть в Афганистане.

Кэтрин Бигелоу стала первой женщиной-режиссером, получившей премию «Оскар» за фильм «Повелитель бури» с Джереми Реннером, Гаем Пирсом и Рейфом Файнсом в главных ролях.

В этом же году Мэрил Стрип шестнадцатый раз номинировалась на «Оскар» в категории «Лучшая актриса. Главная роль». В Дубае построили самый высокий небоскреб, мировой выброс CO₂ вырос на 6 %.

В тот год была зарегистрирована небывалая жара, но рекорд не устоял. Николя Саркози был президентом Франции. ТикТок не существовал. Адель^[3] еще не спела *Someone Like You*, а Клара Лучани^[4] *La Grenade*. В 2010-м Дамьен Саез^[5] написал *J'accuse*.

В 2010-м моя тетя умерла второй раз.

Часть первая

1

21 октября 2010

– Алло...

– Добрый день, мадам.

– Добрый день.

– Вы – племянница Колетт Септамбр?

– Да.

– Я капитан Сирил Рампен из жандармерии Гёньона^[6]. У меня для вас новость. Увы, печальная.

– ...

– Скончалась ваша тетя.

– Моя тетя?

– Колетт Септамбр. Я вместе с пожарными^[7] нахожусь в доме № 19 по улице Фреден, где было обнаружено ее тело: судя по всему, она скончалась во сне. Ее доставят в Институт судебной медицины для экспертизы.

– Моя тетя Колетт уже три года покоится на гёньонском кладбище, а жила она на улице Пастера.

– Я держу в руках удостоверение личности, выданное Колетт Септамбр, родившейся в Кюрдене^[8] 7 февраля 1946 года. На фотографии она выглядит моложе, но сходство несомненно.

– Это какая-то ошибка. Женщина, о которой вы говорите, наверняка тетина однофамилица.

– В ее бумажнике лежит записка: «Контактное лицо в экстренных случаях – моя племянница Аньес. Тел.: 01 42 21 77 47».

– ...

– Здесь еще указано, что она хочет быть кремирована и упокоиться рядом с братом, Жаном Септамбром.

– С Жаном?

– Да. Вы его знаете?

- Это мой отец.
- Брат вашей тети?
- Да, но, как я уже сказала, она умерла три года назад.
- Где вы живете?
- В Париже.
- У вашей тети есть другие близкие родственники?
- Я... последняя. Единственная... и еще моя дочь... Но...
- Примите мои соболезнования. Когда вы сможете приехать для опознания?

2

В 2000-м моя тетьа исчезла на неделю после матча футбольного клуба Гёньона против «Париж Сен-Жермен» (ПСЖ). Впервые команда второго дивизиона вышла в финал чемпионата лиги. Команда, прозванная «Кузнецами», за которую тетьа болела всю жизнь.

Счет матча: 2:0. Событие, где все было предсказуемо. Давид против Голиафа. Игра состоялась на Стад-де-Франс, ее транслировал 3-й телевизионный канал. В воротах стоял Ришар Тривино, капитаном был Амара Траоре. Тренировал команду Алекс Дюпон.

Тетьа повесила у себя фотографии Алекса Дюпона и Эмиля Даниэля. У нее были фото всех футболистов, некоторые лица она обводила красным фломастером, как поступают мафиози с изображениями своих врагов.

На 65-й минуте первый гол забил Трапассо. Автором второго – в дополнительное время – стал Флото. ПСЖ никогда никому не уступал в финале. Зрители долго неистовствовали, некоторые плакали.

Были выпиты литры спиртного, десятки автобусов везли болельщиков в Париж. Тетьа сидела впереди одна, чтобы смотреть на дорогу. На трибунах люди в желтых (цвета фуфаяк) и синих (цвета шортов) шарфах скандировали: «И раз, и два!»

На обратном пути водитель автобуса Эрик повсюду искал Колетт, ее звали – она не откликалась, ее ждали, снова звали – она не появилась. Позвонили моей матери: «Ваша золовка куда-то смылась!» Мама велела им не беспокоиться. Колетт появилась три дня спустя в своей сапожной мастерской. Она чинила пару мокасин 42-го размера, принадлежавших Кристиану Дюкло. Правый каблук был сношен

сильнее левого: хозяин обуви слегка прихрамывал – в детстве он неудачно упал с велосипеда.

Осталось неизвестным, где пропадала Колеетт. Никто ее об этом не спросил. Никто никогда не задавал ей вопросов.

В день великой победы мама впервые рассказала мне, что Колеетт случается исчезать, но она всегда возвращается. Так говорят о непослушном псе, который вечно срывается с поводка, но неизменно находит родной дом, стоит ему проголодаться.

3

21 октября 2010

Я хочу ему позвонить. Мне необходимо ему позвонить. Воображаю, что скажу, представляю, что он ответит, как произнесет «Алло...».

– Пьер?

– Да.

– Это ты, Пьер?

– Да, это я.

Его голос, его интонация – раздраженная, торопливая. Он всегда отвечал, как человек, которого поймали в дверях. Он уже надел пальто и бегом вернулся к телефону, чтобы ответить. Ответить, чтобы отвязались.

– Это Аньес.

Как он отреагирует? Я не оставлю ему времени произнести «Аньес?» или «Аньес...». Или: «Почему ты звонишь? Что-то случилось?»

– Представляешь, мне только что звонили из полиции. Гёньюнский легавый. Колетт умерла.

Нет, обойдусь без «представляешь», скажу:

– Мне только что позвонил один гёньюнский легавый. Нашли мертвую женщину, и он с пеной у рта утверждает, что это Колетт.

Нет, никакой «пены». Не мой лексикон. Он ответит:

– Она уже умерла... Ты пила? Ты напилась или что?

А я брошу:

– Тебя бы это очень устроило. Если бы я пила, вы со шлюхой получили бы полную опеку над Аной! – и повешу трубку.

Я не употребляю в речи слово «шлюха». Если впадаю в ярость, ору: «Сволочь!» или «Идиотина!». Кто из нас успеет первым повесить трубку? В какой момент разговор приобретет склочный характер?

Я три года не слышала его голос по телефону, но срок давности истек. Колетт умерла... «на бис».

В самом начале, в начале моего конца, няня Корнелия отводила нашего ребенка к нему, то есть к ним. И она же приводила дочь домой. Сейчас ей пятнадцать. Она ездит на метро, а поздно вечером – на такси.

Самый большой кассовый успех имел вовсе не мой последний фильм. А вот критиковали его дружно и с наслаждением. Но показывают повсюду чаще всего именно его.

К чему эти мысли? Я преспокойно кончилась как режиссер и довольствовалась дивидендами, а теперь меня заставляют воскреснуть, купить билет на поезд и забронировать гостиничный номер в городе на другом конце света, в Бургундии. Чтобы опознать незнакомую мертвую старушку.

Мой последний фильм – это история любви. Я работала очень вдохновенно.

4

Бездетная холостячка Колетт – сестра моего отца Жана. Со дня его смерти она носит траур, заполнивший все окружающее пространство. Все узкое пространство ее худого маленького тела, сапожной мастерской, кровати, воздуха, которым она дышала. Тетя так и не приняла смерть брата, «потому что тут нечего принимать», объясняла она, отодвигая от себя нечто невидимое тыльной стороной ладони.

Мы начали разговаривать, когда мне исполнилось семнадцать. Она могла обменяться парой слов с соседями, торговцами, клиентами, футболистами, почитавшими ее, как итальянцы Деву Марию, но не со мной. Со мной она вела себя как монашка, давшая обет молчания.

В детстве мне приходилось прятаться за дверью мастерской, чтобы услышать, как она произносит что-нибудь, кроме: «Ты хорошо спала? Проголодалась? Пить хочешь? Скоро закончишь? Тебе жарко? Спокойной ночи...» Одни и те же слова в одно и то же время суток.

Я редко так поступала. Она меня не интересовала. Я считала, ей нечего мне сказать, нечего предложить. Я ненавидела каникулы, ее дом, запах ее жилища. Пол, мебель, узкие окна, отведенную мне комнату, пропахшую нафталином.

Когда мне было десять, я вырезала из журнала фотографии девушек, чьи стрижки мне до смерти нравились, и клеивала их в тетради в крупную клетку. Я завидовала их пухлым губам, голубым мохеровым свитерам и никак не могла интересоваться женщиной, которая никогда не красилась и вообще плевать хотела на свой внешний вид. О таких говорят: «Если бы она постаралась, стала бы хорошенькой!» Одежда всегда висела на ней мешком, как будто она специально покупала не тот размер, чтобы потеряться в платьях.

Перед началом учебного года она всегда выдавала мне три незаполненных чека – во благо гёньонских торговцев. Один – чтобы купить одежду у *Shopping*, другой – для *Causard*, третий – на пару красивых туфель от мадам *Bresciani*. Тетка считала красивой только высококачественную обувь. То есть дорогую. Кожаную. Которая жала мне ноги.

В конце каждого августа она всегда произносила одну и ту же фразу одним и тем же ровным тоном: «Вот, держи, иди и приоденься к школе».

5

Три года назад, когда Колетт умерла во сне, я все еще жила в Лос-Анджелесе. Получается, она сделала это дважды. Умерла во сне. Я не полетела на похороны. «Незачем болтаться пятнадцать часов в воздухе...» – сказал мне Луи Бертеоль, бывший гёньонский булочник и ближайший друг моей тетки. Он все организовал, а я выписала чек на погребение, как делала Колетт, «одевая» меня к началу учебного года. Мне даже бумаги не пришлось заполнять. Церемония состоялась 13 августа 2007 года.

Когда я вернулась, Луи отдал мне коробку с семейными фотографиями, вымпелы с эмблемой клуба и несколько болельщицких шарфов. Одежду он пожертвовал ассоциации «Народная помощь». На кладбище я пошла пешком. Было самое начало января, стояла холодная погода. Могилу я нашла на аллее № 7, там не оказалось ни цветов, ни венков, ни таблички – так тетя велела Луи, – только стояла на серой мраморной плите пара башмаков. Темно-синих, в стиле

футбольных бутсов. Из любопытства я проверила размер: 37-й. Тетя носила 36-й. Я спросила у Луи, кто их принес, он ответил, что не знает.

К 2007 году я прожила в Штатах уже четыре года. Каждый вторник я звонила Колетт. Почему по вторникам? А бог его знает. Некоторые привычки появляются незаметно. Мы в точности до последнего слова обсуждали одни и те же темы: погоду, здоровье, ухудшающееся качество обуви, которую штампуют на конвейере какие-то бедолаги, даже швы не умеющие ровно прострочить. Потом тетя Колетт описывала игру команды, которая была мне до лампочки, трансфер того или другого игрока, называла одних «обещающими», других – «храбрыми», третьих – «никудышными». Она сообщала о смерти бывшего игрока и рождении сына у болельщика, а заканчивала разговор всегда одинаково. Спрашивала неуверенным тоном: «Работа идет нормально? Готовишься снимать? Как Ана? А Пьер? У них все хорошо? Там у вас не слишком все большое?» Я отвечала: «Все в порядке». В конце никто из нас не говорил ни «обнимаю», ни «целую». Не думаю, что она вообще когда-нибудь произносила эти слова. Только «до скорого...» – на выдохе. Я отвечала: «До следующего вторника». Кажется, со временем я стала добавлять: «Береги себя» или «Ты там поосторожней», что-то в этом роде.

6

22 октября 2010

Отель «Монж». Номер 3. Сумка, наспех собранная после звонка капитана Рампена, брошена на кровать. Старинный отель в центре города полностью отреставрирован и обновлен. Я с детства хожу в здешний ресторан. Каждый год, на рождественский ужин с родителями и Колетт. Иногда я обедала тут с разными футбольными начальниками. Они заявлялись за теткой в мастерскую, благоухая ароматами дорогих одеколонов, и говорили: «Мадам Септамбр, мы идем к Жоржу и просим вас составить нам компанию». Жорж Везан когда-то был владельцем и шеф-поваром ресторана. Кормили так вкусно, что при воспоминании о тех днях у меня и сейчас начинается обильное слюноотделение.

Колетт, получив приглашение, немедленно бросала все дела, хватала меня (находила, где бы я ни была, чаще всего – на Церковной площади, взмокшую от катания на роликах, с ободранными коленками), заставляла умыться-причесаться, и мы шли обедать. Для меня каждый такой день становился праздником.

Чудесные белые скатерти, хрустальные бокалы, эскалопы под сметанным соусом, запеченный картофель, окорок, бургундские улитки! Тетя ела пюре с особым соусом Жоржа и застенчиво молчала, гордясь в душе, что эти важные мужчины приглашают ее, потому что считают ценной для клуба личностью.

Теперь отель и ресторан принадлежат Лесли, маленькой резвой брюнетке, которая беседует с ангелами и врачует болезни. Очень жаль, что она отсутствует, иначе я бы попросила ее войти в контакт с тетей, три года назад ушедшей в мир иной, чтобы она рассказала нам о женщине с улицы Фреден. Той самой, у которой имелось ее удостоверение личности, ее последние распоряжения и мой парижский номер телефона. Его мне дали *после* смерти Колетт.

Я со вчерашнего дня пытаюсь дозвониться до Луи Бертеоля, но он не отвечается. Добравшись до Гёньона, я взяла такси, попросила водителя проехать мимо дома Луи и увидела, что ставни на всех окнах закрыты. В 14:00 у меня назначена встреча в морге для опознания тела. Рампен заберет меня из «Монжа», значит, я могу потратить два часа по собственному разумению и направляюсь напрямиком в дом, где нашли тело. Делаю крюк через улицу Пастера, чтобы взглянуть на сапожную мастерскую, которую после смерти тети заняла незнакомая мне супружеская пара.

Колетт не владела ни своей лавочкой, ни домом по соседству: Луи брал с нее символическую плату, «чистую безделицу», как она иногда говорила, «беседуя» с туфлями-ботинками или сумками, которые чинила. Деньги тетя держала в шкатулке, разглаживала банкноты ладонью и аккуратно убирала внутрь, под крышку. Как-то раз сосед пересказал мне доверительным тоном слухи о «толстом шерстяном чулке сапожницы». Я притворилась, что поняла, ответила: «Ну да, конечно...» – а вернувшись домой, бросила взгляд на ноги Колетт в колготках из крученого нейлона. Луи сообщил, что после ухода тети из жизни никаких сказочных сокровищ не нашли. На ее банковском счете

было порядка двухсот евро, и я попросила Луи оставить их себе – в качестве компенсации за хлопоты. Он ответил: «Я – счастливый человек, судьба позволила мне стать другом Колетт!» «Конечно, – ответила я, – но деньги все равно возьми».

Витрина мастерской осталась прежней, только таблички с надписью «Закрыто по случаю футбола» больше нет. Тетя вешала ее на дверь каждую вторую субботу, если матч проходил не вечером. Новые владельцы обзавелись более современной вывеской, убрали каменные цветочные корытца, в которых Колетт выращивала герань – для красоты и чтобы отпугивала мух. Двор по-прежнему засыпан гравием. Ко входу в дом ведет лестница. Начальная школа не закрылась – со двора доносятся детские крики. Я часто забредала туда, чтобы представить, как может выглядеть это учебное заведение, когда в классах полно учеников, а не в летний сезон.

Полдень. По городу разносится гудок сирены, она целый век оповещает жителей, что на заводе Форж закончилась смена. Два выхода открывались одновременно – со стороны моста и площади Форж, я замороженно смотрела, как снизу по мосту катят люди на велосипедах и мопедах или идут пешком к машинам, припаркованным вдоль берега реки Арру, текущей по Гёньюну. Рабочие, инженеры, техники, прорабы, кабинетные служащие, контролеры. 8 мая 1945 года, в день капитуляции Германии, сирена не умолкала долгуую четверть часа.

Через несколько минут я оказываюсь на улице Фреден, перед домом № 19. По пути сюда я с горьким сожалением констатировала, что дорогие магазины центра города уступили место банкам, страховым конторам, «Оптикам» и медицинским лабораториям. Упираются всего несколько коммерсантов.

Попасть во двор не удастся: высокая деревянная дверь закрыта на двойной поворот ключа, огромные кусты бирючины окружают сад площадью в триста квадратных метров. Я толкаю створку, верчу ручку – результат нулевой, отступаю на несколько шагов и замечаю цементную черепицу. Почтового ящика нет. Больше ничего узнать не получится. Меня пробирает дрожь, как от внезапного озноба.

22 октября 2010

Сегодня у меня день рождения. Сегодня я должна была отпраздновать свою тридцать восьмую «весну» с дочерью Аной в парижском ресторане, но судьба распорядилась иначе.

Капитан жандармерии Сирил Рампен везет меня в машине без опознавательных знаков. Высокий, молодой, гладко выбритый светлый шатен очень серьезно относится к работе. Он не слишком разговорчив, что вполне меня устраивает. Поздоровавшись, он сообщил, что его перевели сюда два года назад, а родился он на Сомме. Тем и ограничился. Сомму я представляю себе только по фильмам о Великой войне. Капитан смотрит прямо в глаза, когда обращается ко мне, рукопожатие у него крепкое. С людьми он вежлив и почтителен и потому внушает симпатию и доверие.

В 14:30 мы входим в помещение больничного морга. Все происходит в точности как в кино. Я сама сняла один из таких фильмов – «Молчание Бога». Я предъявляю удостоверение личности, капитан показывает служебное, и мы шагаем по коридорам цокольного этажа. Покойники никогда не лежат в залитых светом помещениях, как будто смерть не принято держать на виду.

– Вы обедали? – спрашивает капитан.

– На скорую руку, в поезде.

Кажется, он боится, что я хлопнусь в обморок...

На столе, под простынью одного цвета со стенами, лежит тело, освещенное холодным серо-голубым светом. Судебный медик здоровается со мной и сдвигает покров. Я лишаюсь дара речи. Лицо, шея, плечи без всяких сомнений принадлежат Колетт. Она немножко похудела. Она постарела. Она мертвая. И холодная. Глаза закрыты, лицо напоминает восковую маску. Это она... но не она. Я узнаю ее. Капитан спрашивает: «Вы уверены?» Я киваю. Думать получается только о паре синих башмаков. Интересно, они все еще стоят на могильной плите, под которой на гёньонском кладбище лежит неизвестная женщина?

Последним... неживым человеком, которого я видела в жизни, стала моя мама.

Позавчера моя тетя Колетт была еще жива, а я этого не знала.

– Можете назвать какую-нибудь особую примету вашей родственницы? – спрашивает патологоанатом.

Я качаю головой.

Примет имелось великое множество, но ни одна не была внешней. Она быстро ходила, хорошо держалась, была тонкой, не вышла замуж, любовников – насколько мне известно – не имела (как и детей), отличалась поразительной замкнутостью и так хорошо умела хранить секреты, что я не знаю, кто уже три года лежит в ее могиле. У Колетт были прелестные руки, она проявляла склонность скорее к физическому труду, страстно болела за футбольный клуб Гёньюна, обожала романы Агаты Кристи, Пьера Бельмара и о комиссаре Мегрэ. Тут я осознаю всю степень своего идиотизма, поворачиваюсь к Рампену и шепотом признаюсь:

– Я – безголовая тупица.

8

Думаю, я всегда сочиняла истории именно потому, что проводила школьные каникулы у тети. Когда жизнь возвращалась в привычное русло, я оказывалась далеко, в другом городе, в другом месте, с другими друзьями. Все мое детство я словно бы оставалась чужой для окружающих. Одноклассники расставались со мной в первый день каникул, а к гёньонцам я присоединялась в тот самый момент, когда колокол возвещал начало свободной жизни.

Она приезжает завтра.

Взрослые дали мне прозвища «каникулярная девочка» и «племянница Колетт Септамбр», ровесники звали по имени.

Люди уезжали на Лазурный Берег, во Фрежюс, Киберон или в Испанию. На море, в горы, а я – в Гёньон. Родители редко отступали от этого правила. Даже после смерти отца порядок не изменился. До совершеннолетия я проводила время в сапожной мастерской на улице Жан-Жореса, на улице Свободы, на Церковной площади, у шлюза, в муниципальном бассейне и на матчах на стадионе «Жан-Лавиль».

– Куда едешь?

– В Гёньон. Сона-и-Луара.

– Далеко?

– Не очень.

Я никогда не удалялась на слишком большое расстояние от Колетт. Моих гёньонских друзей можно было пересчитать по пальцам. Эрве, Адель и Льес. Дети коммерсантов встречались каждый день по утрам и общались, пока предки вкалывали в магазинах. Требовалось как-то заполнять время. Расходились мы в обед, всего на полчаса. В шесть вечера нужно было вернуться, принять душ, накрыть на стол и ждать родителей. Мне в доме Колетт ничего делать не приходилось, только вымыться в сидячей ванне. Потом я погружалась в чтение любимых комиксов о Тинтине. Колетт заказывала их у продавца табачного киоска. Я все время перечитывала «Драгоценности Кастафьоре», где все действие происходит в замке Муленсар. Не знаю, почему что-то в этой истории меня успокаивало. Если предстояло путешествие или тоска по родителям становилась невыносимой, помогали «Тинтин в Тибете», «Голубой лотос» или «Храм Солнца».

Летними вечерами мы с Льесом, Аделью и Эрве гуляли до девяти вечера, а в сильную жару нам давали час «добавочного времени». Мы болтались на берегу Арру, рядом с пешеходным мостом. Пускали блинчики. Слушали радио или музыку на магнитофоне, пытались вообразить наше будущее. Я хотела стать репортером. Льес – профессиональным футболистом, игроком сборной Франции. Адель мечтала попасть во «Врачи мира»^[9]. Эрве влекла судьба путешественника-исследователя.

– Что хочешь исследовать, Эрве?

– Пока не знаю.

– Почему «Врачи мира», Адель? Почему не просто врач?

Случалось, папа с мамой забирали меня в середине каникул – «выклеывали», как синицы из кормушки, – и в последний момент увозили куда-нибудь на два-три дня.

Если этого не случалось, мы с Льесом не расставались весь август. Его отец не закрывал бакалею, а тетя покидала Гёньон только с футбольной командой.

Эрве и Адель проводили три недели на море с родителями: те опускали жалюзи на витринах и вешали объявление: «Мы в ежегодном отпуске!» Ребята купались в разных морях: Эрве – в Средиземном, Адель – в Атлантическом океане.

– Вы никогда не пересечетесь в «плавании», – шутил Льес.

В августе Гёньон пустеет, становится мертвым, жарким и пустынным городом – как в вестернах, куда попадает герой или злодей. Он спрыгивает с седла и понимает, что все обитатели попрятались за закрытыми ставнями и дверями.

Они здесь, все трое. Сидят на диванчике перед стойкой портье в «Монже».

Одеты все достаточно легко – погода для октября стоит очень теплая. Адель, Льес, Эрве. Мы потеряли друг друга из виду, разве что обменивались парой фраз на Фейсбуке^[10]. Лайк или сердечко в комментарии под фотографией, которая всех заинтересовала.

Эрве пополнел, черты его лица расплылись, двое других моих друзей не изменились: Адель по-девичьи стройна, Льес красив, как в детстве.

Адель заговорила первой – раньше такого не случалось. Она в основном молчала. «Мы узнали, что ты здесь. Новости у нас расходятся быстро...» Она встает и крепко меня обнимает. От Адели пахнет жимолостью, как раньше. Я не понимаю, что происходит, и, вместо того чтобы поздороваться, воскликнуть «Привет!», или «Добрый вечер!», или «Как мило, что пришли!», или «Как дела?», – выдаю не раздумывая:

– Моя похороненная тетя вовсе не моя тетя. Моя умерла два дня назад.

Парни синхронно вскакивают, разинув от изумления рты, потом молча, по очереди, целуют меня. От Льеса пахнет амбровым ароматом, от Эрве – ветиверовым.

– Я должна была догадаться, когда забирала ее вещи, узнала, что на счете практически нет денег, и – главное – не нашла ни следа коллекции! Она десятки лет вырезала статьи из газет о любимой футбольной команде и клеивала их в большие тетради! Нормально? Какая же я идиотка... Можете поверить, что три года назад ходили на похороны моей тети, а это была совсем другая женщина?

– Быть того не может! – хором отвечают они.

– Я только что опознала ее в морге!

– Уверена?

– Еще как. Я провела с Колетт достаточно лет, чтобы узнать ее. Даже мертвую.

Они молчат. Задумались о чем-то своем.

– Но кто тогда прописался на кладбище? – спрашивает Эрве.

– Тайна, покрытая мраком.

– Думаешь, гроб пустой?

– Не знаю. Жандармский капитан сказал, что они сравнят ДНК Колетт с моей, а потом эксгумируют «ту особу».

– Нельзя нарушать покой усопших, – шелестит Адель.

– Но правду узнать необходимо.

Адель пожимает плечами.

– Тоже мне правда!..

– Что делаешь вечером? – спрашивает Эрве.

– У тебя сегодня день рождения, – добавляет Льес.

– Нужно что-нибудь придумать, одну мы тебя не оставим.

– Нет настроения веселиться.

- Тем более надо, – скалится Эрве.
- Завтра утром у меня встреча на улице Фреден. В доме, где Колетт прожила последние годы...
- На Фреден? Где именно?
- В доме № 19...
- Дурдом какой-то.
- Вы никогда ее не встречали? Не пересекались?
- Ни разу, – отвечает Адель.
- Наверное, мы не можем видеть мертвецов. Я в том смысле, что, если считаешь кого-то покойником, не можешь его увидеть, даже если столкнешься нос к носу. Мозг не готов и не воспринимает зрительный образ.
- Выпьем чего-нибудь?
- Заказать столик в ресторане? – спрашивает Адель.
- Незачем, у них же ни души.

* * *

Первый флирт у меня случился с Жаком Добелем. Летом 1985-го. Жак, сын отца-вьетнамца и матери-француженки, был кузенком Эрве, юношей с идеальным профилем, прямым носом, тонкими чертами лица и большими черными миндалевидными глазами. Он, как и я, приезжал на каникулы, плавал в городском бассейне, катался с нами на велосипеде. И, как все гёньонцы, ходил на футбол. Иногда на трибуне прессы присутствовал комментатор *Canal+* Тьерри Ролан, что само по себе становилось событием.

Мы наслаждались сэндвичами, колой, острыми сосисочками в буфете, который держали несколько болельщиков. Покупали у месье Долле арахис в скорлупе, который он в перерыве продавал прямо из корзины, переходя с трибуны на трибуну.

Когда команда Гёньона забивала гол, зрители дружно выкрикивали слова одобрения. Издалека я видела, как вскакивает моя тетя, и мне чудилось, что она вдруг становится выше ростом. В отличие от других зрителей, она никогда не вопила, но на ее губах появлялась загадочная улыбка, а глаза загорались. Потом она стискивала руки и усаживалась на свое место, иногда что-то шептала, глядя на игроков, как будто молилась. Если забивали соперники, Колетт не дергалась, только

становилась смертельно бледной, как будто из нее мгновенно утекала жизнь прямо на цементной трибуне.

Я видела слезы тети, когда «Гёньон» проигрывал. Они не текли по щекам, а так и стояли в уголках глаз – «держали фасон».

* * *

У всех нас дети-подростки, значит, вечерами есть время для себя. Не надо ни купать, ни готовить ужин, ни проверять домашние задания. Отпрыски вполне способны разогреть еду в микроволновке, потом они закрываются в своих комнатах и делают вид, что занимаются.

– Мобильник – вещь очень практичная, – говорит Адель, – можно не только связаться с ними в любой момент, но и узнать, где они находятся.

Ее семнадцатилетние дочери-близняшки уехали учиться в Дижон. Сама она к «Врачам мира» не попала и стала «либеральной медсестрой» (медсестрой «на вольном выпасе»). «Практически одно и то же...» – иронизирует она. Адель открыла собственный кабинет, развелась, когда девочкам исполнилось десять, имеет друга, но вместе они не живут, встречаются несколько раз в неделю.

– Вечерние отношения двух особей, которые живут сами с собой... – Она улыбается.

– Изящная формулировка.

– Вставишь в свой фильм?

– Что я точно никогда бы не решилась сделать, это...

У меня срывается голос.

– ...спросить, почему моя тетя притворялась умершей, почему она пряталась. Сколько в Гёньоне жителей, восемь тысяч? Только не говорите, что никто не знал! К тому же на улице Фреден почти все дома обитаемые. Не жила же она затворницей, в конце концов!

– Папаша Бертеоль! – восклицает Эрве. – Он наверняка что-то знает. Они с твоей теткой были неразлучны.

– Его нет дома. На звонки не отвечает. На обратном пути из морга я к нему заглянула. Никого не застала. Все ужасно странно. Я как будто сплю и вижу дикий сон.

– Я был на похоронах твоей тети, – вступает в разговор Льес. – Народу было много, хотя меньше, чем обычно, лето все-таки.

Присутствовали футбольные игроки и коммерсанты. Я видел, как гроб опустили в могилу. Собственными глазами.

– Бред сумасшедшего! Как моя частная жизнь. Одну потеряла, одну нашла, а потом потеряла и снова нашла.

Все дружно улыбаются.

Эрве работает страховым агентом. У него трое детей от трех разных жен. Младшей дочери семь лет, но с ее матерью он только что расстался. «Чистая каторга...» – бурчит Эрве. Этот бабник должен влюбляться и изменять в режиме нон-стоп, иначе жить становится неинтересно. Детей нет только у Льеса. «Насколько мне известно...» – уточняет он, доливая себе содовой. Его спортивная карьера завершена, он пошел на завод, в центр обучения, чтобы получить диплом о профпригодности и стать наладчиком оборудования.

– С малышкой я вижу раз в две недели по выходным. Старшая живет в Лионе, как ты в детстве, Аньес. У нее есть приятель. А сын живет со своей матерью недалеко отсюда. Ему шестнадцать. Мы ходим в «Макдональдс», развлекаемся. Парень любит тачки и футбол... Вот же черт, мне самому захотелось рвануть на кладбище, раскопать могилу и узнать, кто в ней похоронен.

– Нельзя тревожить покой усопших, – повторяет Адель.

– Прекрати, если уж человек умер, то умер. Никто никого не тревожит.

– Мне не терпится дожить до завтра, чтобы попасть в дом на улице Фреден.

– Пойти с тобой?

– По-моему, мы имеем право, – вмешивается Льес. – Тебе жандарм составит компанию?

– Да.

– Надолго в Гёнён?

– Не знаю, как пойдет дело. Слишком уж все... неожиданно.

– Ты виделась с журналисткой?

– О ком ты?

– О Натали Гранжан.

– Так она журналистка?

– Да, и пресса тебя точно в покое не оставит. Как и телевидение! Немертвая покойница – это же сенсация. Особенно если она – тетя местной знаменитости.

- Закажем сырную тарелку?
- Забудь, Адель! У нас день рождения гранд-дамы, наедемся до отвала.
- Ну а ты, Аньес, как живешь? Жизнь прекрасна?

9

23 октября 2010

Сирил Рампен, явившийся с двумя жандармами, открывает высокую деревянную дверь, за которой обнаруживается домик из 50-х, стоящий прямо на кочковатой земле. Бирючины не подрезали тысячу лет, сорная трава проросла между плитами старой террасы, но гравийные аллеи вычищены, лучше всего – ближайшие к жилищу. Непросто осознать, что готовишься проникнуть в дом женщины, ушедшей из жизни. У двери предусмотрительно приготовлены сапоги. Я бросаю взгляд на размер: 36-й. Тот же, что у Колетт. Капитан протягивает мне пару латексных перчаток: «Если не возражаете...»

В коридоре пахнет аммиаком, как в классе начальной школы. Везде очень чисто. Мое внимание привлекает вешалка с серым плащом. Я подхожу, чтобы понюхать воротник, почувствовать аромат ванили. Она покупала ее в маленьких бутылочках, жидкость внутри была чуть маслянистой. От ткани пахнет розой. Слева находится кухня с пластиковым столом, двумя стульями, варочной панелью и маленьким холодильником. Посуда вымыта, тарелка, приборы и стакан сохнут рядом с мойкой на полотенце. На углу раковины стоит лимонное средство для мытья посуды, рядом с губкой. Я открываю холодильник: масло, три натуральных йогурта, три яйца, банка варенья, в отделении для овощей – морковь, остатки супа в кастрюльке под пластиковой крышкой. Занавески на окнах задернуты. Дверь справа ведет в гостиную, где перед телевизором стоит двухместный диванчик с тремя подушками. Я ничего не узнаю. Кроме номера «Франс Футбол-2000» – «Гёньон, победа “Кузнецов”», – выложенного, как трофей, на низком столике. Я потрясена и невольно отшатываюсь.

Меня бьет крупная дрожь, когда мы приближаемся к третьей по счету двери. Она ведет в спальню, где на кровати нашли мертвую

Колетт. Простыни слегка примяты, как будто тетя и в смерти не утратила деликатность и не хотела никого затруднять.

Тетя, насколько я помню, никогда никого собой не обременяла. Я вдруг осознаю, что не знаю ее. Больше не знаю. Она, должно быть, совсем мне не доверяла, если позволила поверить в свою смерть. Я не переступаю порог.

В глубине коридора, в последней комнате, стоят несколько пластмассовых ящиков и старая оттоманка из сапожной мастерской. Рядом – столик, уют, современная швейная машинка и шкаф. Меня совершенно потрясают телефонный аппарат и старый справочник, я снимаю трубку и слышу гудок. У Колетт был телефон! Но кто ей звонил? Кто знал? За кем закреплен номер?

– С этого и нужно начать.

– С чего именно? – спрашивает Сирил Рампен.

– Со списка номеров. Так мы выясним, кому звонила она и кто связывался с ней. Узнаем, кто был в курсе.

– Это вторжение в частную жизнь. Смерть Колетт не выглядит подозрительной, так что вряд ли удастся что-нибудь выяснить.

Я набираю номер своего мобильного на аппарате Колетт и записываю высветившиеся цифры.

– Мне звонил прокурор. Учитывая обстоятельства смерти, патологоанатом считает необходимым сделать вскрытие мадам Септамбр, ее тело можно будет выдать родственникам – то есть вам – через несколько недель. Потом мы эксгумируем женщину, лежащую под могильной плитой с именем вашей тети. Расследование грозит затянуться.

Я не слушаю Сирила Рампена, рефлексивно приоткрываю правую дверцу шкафа, вижу картонные коробки, открываю одну и вижу толстые альбомы в крафтовых обложках, надписанные, как ученические тетради: 1982, 1983. Я перелистываю страницу, зная, что нашла тетину коллекцию. Она вырезала все статьи о матчах, составе команд и заменах. Я узнаю фамилии журналистов, в памяти всплывают лица. «Хороший и плохие, – говорит Колетт. – Невежи, завидующие игрокам, и тот, кто их поддерживает и знает, о чем говорит: “бывший футболист”». На этажерке стоят пластинки с записями выступлений моих родителей, в самом низу, на дне,

похоронные таблички и вымпелы с эмблемой клуба – их Колетт наверняка забрала со «своей» могилы.

– Вот почему в морге я поняла всю меру своего идиотизма!

– Каким образом?

– Три года назад Луи Бертеоль передал мне вещи тети, и меня не насторожило отсутствие коллекции. Она слишком ею дорожила, как и записями моих родителей, и не могла расстаться ни с тем, ни с другим.

Я нахожу коробки с фотографиями. На всех я в разном возрасте. От грудничка до двадцатилетней девицы. Задыхаюсь от волнения, спрашиваю, могу ли взять их себе.

– Позже, – отвечает капитан, – пока оставляем все на своих местах.

Последняя дверь. «И посещение будет закончено...» – сказал бы риелтор, показывая квартиру. Ванная спартанского вида: ванна, душ, раковина, шкаф-аптечка, стиральная машина. Пахнет кондиционером для белья и хозяйственным мылом. Все очень чистое. Стыки между плитками аккуратные. Кажется, сейчас кто-то войдет и спросит: «Что вы забыли в моем доме?» На полочке стоит туалетная вода с ароматом розы – в конце жизни тетя отринула ваниль. Щетка для волос. У Колетт была густая грива, с которой требовалось обращаться очень осторожно. Мои сохранили черный цвет, ее – поседали. Цвет волос – семейная примета. Зубная щетка и тюбик пасты. На одной из коробок в аптечке от руки написано: «от боли в суставах». Я узнаю почерк.

– Чей это дом?

Сирил Рампен сверяется со списком и отвечает:

– Владелец – Луи Бертеоль.

– Кто позвонил насчет Колетт? Вы ведь не случайно наткнулись на тело?

– В участок сообщил аноним.

– Голос был мужской или женский?

– Мужской. Нам пора, – добавляет он.

– Мне хочется остаться. Навести порядок. Рассортировать вещи. Попробовать найти дневник, или письма, или что-нибудь еще. Возможно, содержимое коробок заговорит...

– Не сейчас, – перебивает меня капитан. – Вы сможете вернуться сюда, как только смерть вашей тети будет признана естественной.

– Сколько придется ждать?

– Несколько дней.

Я держу удостоверение личности Колетт, выданное в 2000-м, и записку от руки: «Я хочу, чтобы меня сожгли, а урну с прахом захоронили рядом с моим младшим братом Жаном Септамбром и невесткой Ханной. Прошу развеять горсть праха на стадионе “Жан-Лавиль”. Буду благодарна, если передадите эту записку моей племяннице Аньес Септамбр. Колетт Септамбр».

10

Я живу в доме напротив.

Она приехала вместе с жандармами. Она не изменилась – разве что волосы подстрижены короче, но все равно забраны в затейливый пучок. Время от времени я видела ее по телевизору, когда она представляла очередной фильм, а в журнале прочла, что они с актером расстались. Лично я всегда считала, что жить с таким типом – все равно что метать бисер перед свиньей.

Лицо у нее было белее таблетки аспирина, в точности как в детстве, когда она приезжала на каникулы и в первые дни казалась прозрачной, а когда начинала носиться по Гёньону с друзьями-приятелями, краски возвращались.

Жандармы наверняка постучат в мою дверь.

Опрос соседей: «Кто там жил? Кто туда приходил? Вы не замечали ничего подозрительного?» Я отвечу: «Совсем ничего». Я не провожу время, подглядывая из окна за соседями. Занимаюсь домом, хожу по магазинам, разгадываю кроссворды и – главное – готовлюсь к лекциям. Сегодня исключительное утро. Не каждый день три полицейские машины паркуются на моем тротуаре. Сегодня утром Гёньон слегка напоминает Америку, какой ее показывают по ящику.

Вчера, увидев пожарных и жандармов с носилками, я поняла, что под брезентом лежит мертвое тело, и сильно плакала.

Иногда в газете *Le Journal de Saône-et-Loire* печатают жуткие статьи под заголовками, которые требуется прочесть несколько раз, чтобы понять. Нет, не понять – принять. Хотите пример? Да пожалуйста! «Найден в своей квартире, где пролежал мертвым много месяцев». Каждый раз, наткнувшись на нечто подобное, я думаю: «Боже, какое горе, какое ужасное горе!»

Если мне станут задавать вопросы, я отвечу, что понятия не имела, кто живет за неухоженной живой изгородью. Скажу: «Я только на днях узнала, что в том доме обитала женщина. Одинокая, если верить слухам. Говорят, будто это Колетт Септамбр».

Колетт уже несколько лет спит на кладбище. Конечно, если это не то, о чем я думаю. То, что знаю я одна. Что все связано.

Судя по всему, моя соседка ушла во сне и еще не остыла, когда врач констатировал смерть. Я знаю, кто вызвал «кавалерию». Знаю, кто обнаружил ее бездыханной. Я никогда не скажу, что за люди вошли в дом на другой стороне улицы. Если это вызовет удивление, объясню, что с улицы дом не виден и там царило безмолвие. Не было ни газонокосилки, ни кота, ни собаки, ни музыки. Не хлопали ставни. По вечерам я замечала свет, пробивавшийся сквозь густую листву. За сто лет ветви тесно переплелись воедино. Так я буду говорить всем, кроме Аньес. Ей я отвечу на любой вопрос.

11

1956

– Жан! Жан! Скорее, а то нас заругают.

Россыпь звезд взлетает к низкому темному небу. Мальчик ковыляет к ней, одетый в пальто, которое когда-то принадлежало Колетт. Зеленое пальтишко годится и для девочки, и для мальчика. На Жане красный шерстяной шлем, тесно облегающий шею. «Чешется!» – жалуется он сестре по пути на ферму. Она держит его ладошку в своей, с черными ногтями. Земля въелась в кожу и не оттирается даже жесткой щеткой с хозяйственным мылом. В школе ей вслед часто шипят: «Деревенщина». Шепотом – ведь Блэз де Сенешаль, сын хозяина замка, чью землю арендуют родители Колетт, на три головы выше остальных ребят. Он ее ангел-хранитель и держится поблизости.

Колетт десять лет. Жану шесть. Она любит этого ребенка с глазами цвета зеленой травы, родившегося у Робена и Жоржетты, трудолюбивых земледельцев с некрасивыми лицами. Колетт не понимает, каким чудом ее младший брат получился таким красивым. Ангел, упавший с неба в чужую семью.

Колетт боится одного – что их мать снова забеременеет. Она следит за ее животом, как за кастрюлькой молока на огне. Она часто отсутствует на уроках – приходится помогать на ферме, а если появится третий отпрыск, ее заберут из школы навсегда. *Фермерская дочка, ломовая лошадь – вот что я такое.*

Источник радости Колетт – ее брат. А еще она любит укачивать на руках новорожденных ягнят – тайком от родителей, чтобы не злить их. Работа на ферме есть всегда, и руки Колетт – подмога, бесплатная рабочая сила. Она ведь старшая.

Они никогда ее не били. Ни разу не ударили – ни отец, ни мать. Но и обнимать не обнимали. Оба. Никогда. Родители вроде бы встретились на балу в честь 14 июля, в Гёньоне. Когда Колетт – она любопытная, ей все надо знать! – спрашивает у матери: «Какая музыка играла? Вы танцевали вместе? Как Робен с тобой заговорил? Что он сказал?» – та пожимает плечами и краснеет. Отвечает сердито: «Тебе делать неча? Вопросами ни скотина, ни мы сыты не будем».

Летом девочка косила, ворошила сено и собирала его в стога, до начала зимы перетаскивала в подпол тяжелые мешки с картошкой, помогала отцу толкать плуг, запряженный лошадкой Бижу. От этой тяжелой работы ломит спину. Подвязать фасоль, полить салат, перепахать огород, посеять, прополоть, выпустить животных, потом загнать их назад, помочь с дойкой... Пятьдесят баранов и овец, это вам не шутки! Тяжелый труд до и после школы. К вечеру мать так устаёт, что Колетт приходится «укладывать малого». Она ведет его в кровать, сидит рядом, пока он не уснет.

- Спи, малыш, закрывай глазки.
- А сказка?
- Я же рассказала тебе «Спящую красавицу»!
- Еще одну!

Колетт вдыхает запах его кожи, щекочет носом шею, и Жан хихикает.

- Ну пожалуйста, спи! Мне еще работать...
- У тебя есть работа, Коко?
- Да, Коко должна помогать папе с мамой.
- Ну тогда хоть коротенькую историю, а?
- Последнюю, договорились? Потом ты закроешь глаза и будешь спать.

– Обещаю! Пианино?

– Снова?

– Да.

Колетт приносит свою тетрадь по математике, хранящуюся в ранце. На двух последних страницах Блэз написал карандашом коротенькую историю, которая особенно нравится Жану.

– Одно крошечное пианино жило-поживало в кармане куртки маленького мальчика по имени Жан. Каждый вечер малыш доставал инструмент, подносил его к уху и слушал лучшие на свете музыкальные импровизации. Жан закрывал глаза и засыпал. Музыка звучала в его снах, росла и занимала все пространство комнаты. Великолепные сонаты заполняли ночи его детства, но как-то раз утром пианино исчезло. Он искал, выворачивал карманы, но так и не нашел его, а когда открыл дверь гостиной, увидел свой инструмент. Тот увеличился в размерах – как в его снах – и стоял посреди комнаты, сверкая черным лаком, словно жеребец-чистокровка. Пианино нашлось, но самостоятельно не играло. Мелодию нужно было подбирать самому. Жан поднял крышку и начал играть, наугад выбирая клавиши. Ничего не произошло, гармония не складывалась. Пальцы не могли сотворить чуда, сонаты не оживали, но Жан не оставлял надежды, вслушивался в голос инструмента и в конце концов отыскал мелодии, свои мелодии. Жан стал великим пианистом, еще более великим, чем его пианино. Они никогда не расставались и путешествовали по всему свету вдвоем.

Колетт целует брата. Мальчик теплый, пахнет молоком и миндалем. Она тихо выходит и отправляется в хлев. Овца поднимает на нее глаза, переводит взгляд на ягненка. Матери знают, что однажды у них заберут детей, поэтому они всегда настороже. Рука человека дает корм, но отнимает ягнят. Колетт запускает пальцы в гриву Бижу, лошадь вздрагивает, касается мягкими губами плеча.

Колетт возвращается в дом, проходит через кухню, где храпит Робен, прикрыв лицо газетой. Мать спит наверху. «Тем лучше, – думает она, – каждый вечер одно и то же, он – внизу, она – наверху. Никакого риска... Он не сделает ей ребенка». Она ворошит угли в печке и садится за стол, чтобы выполнить домашнее задание. Как бы ей хотелось стать учительницей! Но для этого нужно продолжить учебу после начальной школы, поступить в коллеж, как Блэз, и

добраться до бакалавриата, а не идти на завод в четырнадцать лет и уж тем более не оставаться на ферме. Мечта не исполнится. Родители не позволяют.

Из задумчивости Колетт выводит тихий стук – Блэз бросает камешки в окно. Она выходит пожелать ему доброй ночи, он протягивает ей «Милого друга» Мопассана. Блэз незаметно таскает книги из родительской библиотеки и снабжает ими Колетт. Времени на чтение у нее почти не остается – всего несколько минут перед сном, но она обожает слова, ей нравится утягивать их за собой в сны. Она прячет том под свитер.

– Отец говорит, это только для взрослых.

Колетт смеется, прикрывая рот ладонью.

– Спасибо.

– До завтра. Спокойной ночи, моя Колетт.

Она часто говорит Блэзу, что однажды он станет великим писателем. Как Виктор Гюго.

12

23 октября 2010

– Хочешь, я приеду?

– У тебя музыка и школа, дорогая.

– Ну и что, мама, ты не можешь торчать в Гёньоне в одиночестве!

– Я не одна, детка, не волнуйся. Со мной Адель, Эрве и Льес.

– Те, что на фотографии в твоей комнате?

– Да.

– Они не уехали из города?

– Не все уезжают, котенок. Иногда человек остается там, где родился и вырос.

– Какими они стали?

– Не изменились. Похожи на себя.

– Ты так и не узнала, где Луи?

– Нет.

– Вся эта история какая-то... тяжелая, мама. Ты не понимаешь, почему Коко так поступила? И куда исчез Луи? Думаешь, ее кто-то

искал? Или ей угрожала мафия?

– Не глупи, Ана, тетя держала сапожную мастерскую.

– А может, это было прикрытие. Что, если она работала на секретную службу? Почему она нам ничего не рассказала?

– ...

– Сейчас 2010-й, я не видела ее с Рождества 2006-го. Помнишь, как мы с папой съездили в Гёнён и обратно, чтобы отпраздновать вместе с ней? А через восемь месяцев Колетт не стало...

При упоминании Пьера я холодею.

Успокойся, Аньес, умоляю, возьми себя в руки...

– Ты ее видела?

Я не понимаю вопроса, и дочь уточняет:

– Ты видела Коко?

– Да... вчера, в морге.

– Какая она?

– Не изменилась. Постарела, конечно, но я ее узнала. У меня нет ни малейшего сомнения.

Когда я впервые показала Ану моей тете, она чуть в обморок не упала. Колетт сидела за станком для изготовления ключей. Шум стоял адский. Она подняла голову, посмотрела на нас и нажала на «стоп». Ана спала у меня на руках, Пьер вез за нами пустую коляску.

Даже когда гёнёнская команда забивала гол, тетя так сильно не бледнела. Она молча сделала несколько робких шажков, посмотрела на малышку, и та сразу проснулась, как будто физически почувствовала на себя взгляд двоюродной бабушки. Колетт вытерла руки о фартук и произнесла дрожащим голосом: «Она похожа на Жану». Ана и правда очень походила на моего отца, особенно зелеными глазами в обрамлении таких длинных ресниц, как будто их подвели черным карандашом.

– Хотите ее подержать? – спросил Пьер.

– Да... – шепнула Колетт.

Она села на старую оттоманку (я сразу узнала диванчик на улице Фреден), и я положила дочку ей на руки. Я впервые видела тетю с ребенком. Помню, как удивилась, когда Пьер щелкнул их, он очень редко брал с собой фотоаппарат.

Колетт долго молча смотрела в глаза моему ребенку, как будто о чем-то спрашивала. Ана заснула, сжав кулачки. Колетт не шевелилась. В мастерскую зашла клиентка, но тетя шепотом попросила ее вернуться позже, а Пьеру сказала, чтобы запер дверь на ключ.

Когда к ней вернулся голос, он показался мне помолодевшим. Как будто она набралась сил от своей новоявленной внучки. Были заданы привычные вопросы: «Заночуете у меня? Да, конечно, в отеле будет удобнее. Надолго приехали? Уедете завтра? Так скоро? Понимаю, работа ждать не будет. Она крепко спит? Жан поначалу много плакал. Ты готовишься к съемкам нового фильма? Сценарий? Писать – это здорово. Ана – красивое имя, звучит как имя твоей мамы, но пишется иначе. Ана – простое имя, потому и красивое. Она будет приезжать ко мне на каникулы? Будете учить ее музыке? Играть на пианино?»

13

1957

Блэз нажимает на клавишу рояля. Фа-диез. Жан повторяет с закрытыми глазами. Он мгновенно воспроизводит любые ноты. На улице жарко, поэтому все ставни закрыты. Лето в разгаре. Маркиза с маркизой нет дома. Колетт помогает родителям – настала пора сенокоса, и все в поле. Жан еще слишком мал для такой работы, и Блэз, по просьбе Колетт, присматривает за младшим из Септамбров. Он тайно провел мальчика в дом прошлой весной. Никто, кроме прислуги и немцев во время оккупации, не проникал за стены владения Сенешалей. В дни охоты мужчины собираются в павильоне. Робену и Жоржетте ужасно не нравится дружба Блэза с Колетт, они бы с ума сошли от ярости и стыда, узнав, что их сын садится за рояль. Видит бог, ничто не портит нам жизнь больше собственной глупости!

Блэз обучает Жана сольфеджио. Он сыграл менуэт соль мажор Иоганна Себастьяна Баха – простой, для начинающих. Жан «записал» его у себя в голове, выслушав с закрытыми глазами, и теперь безошибочно воспроизводит отрывок.

Блэз никогда не слышал об абсолютном слухе. Читал где-то, что в 1770 году четырнадцатилетний Моцарт услышал в Ватикане

Miserere^[11] Грегорио Аллегри и позже мог воспроизвести это произведение для двух хоров на десять голосов.

Но это Моцарт, величайший гений всех времен! Для обладателей абсолютного слуха музыка – второй язык, и Блэзу кажется, что Жан владеет им в совершенстве. Может, это реинкарнация? Что, если в прошлой жизни он был музыкантом? «Да кто поверит в подобную чушь?!» – сказал бы его отец.

Все началось с радиоприемника, который Блэз подарил Жану и Колетт на Рождество 1955 года. Жан открыл для себя музыкальные пьесы и рассказал об этом Блэзу, напевая мелодии. Тот очень удивился, усадил Жана за инструмент (родители удачно отсутствовали), и тот воспроизвел услышанную накануне музыку. Ему никто никогда не давал уроков игры на фортепьяно. Блэз неотвязно думал о том, что делать с этим природным даром. Утаить или объявить о таланте Жана? Кому он может довериться, кроме матери? Но маркиза боится мужа. Что она скажет, узнав, что Жан играет на «Стейнвее» в шато?

14

24 октября 2010

– Через два месяца с хвостиком будет одиннадцать лет с начала 2000 года. Не заметила, как они прошли, – говорю я и залпом выпиваю второй бокал шампанского.

Мы с Льесом сидим вдвоем в «Маленьком баре», и я почему-то пью шампанское, ответив наобум на вопрос хозяина:

– Что тебе налить, Аньес?

Пока я думала, Льес сделал заказ:

– Мне, как всегда, воду с лимоном.

– А я выпью кофе. И... шампанского.

Хозяин заведения Венсан идет за бутылкой, сообщив, что в прошлый раз спускался за «пузыриками» в подвал, когда одна теплая компания праздновала серебряную свадьбу и заняла все столики.

– У тебя тоже радостное событие? – с улыбкой интересуется он.

– Отнюдь... Просто хочу опьянеть... чуть-чуть.

– Мне плевать на время, – заявляет Льес. – Для меня оно остановилось в раздевалке стадиона, в семь лет.

– О чем ты?

– Помнишь Шарпея?

– Нет, кто это?

– Босс. Ему нечего было делать в раздевалках, но он все время торчал в душе для мальчиков.

– ...

– Он называл это медосмотром. Уводил одного из ребят и оставался с ним наедине.

– Кошмар какой! Этого гада арестовали?

– Нет. Дело замяли. Он был влиятельным лицом на заводе. Важной особой. Его защищали. А дети молчали. Только представь, как стыдно было мальчишкам... В конце концов он сбежал, как вор, и обосновался на юге Франции. А там наверняка продолжил.

– Нужно на него заявить.

– Он сдох, и пусть Господь никогда не помилует его черную душу. На мертвых не доносят. Их зарывают в землю.

– Нацистов разоблачали даже после их смерти, Льес. И судили.

– А на черта?

– Почему ты сказал, что для тебя время остановилось в семь лет? Что он тебе сделал?

– Давай сменим тему, ладно? Как ты праздновала в 2000-м?

– Прекрати, Льес! Почему ты молчал столько лет?

– А ты знаешь много пострадавших, которые осмелились заявить на обидчика? А у меня к тому же алжирские корни. Только представь, что обо всем узнали бы родители и мои сестры... Да меня в момент отослали бы на родину. Но жизнь продолжается – несмотря ни на что. Сама видишь, я продолжил. Ты тоже. Все мы. До чего же мне нравится твой последний фильм!

– Давнее дело...

– Ну и что, кино никогда не стареет. Если лента хорошая, она остается хорошей навечно. Говорю тебе, классная получилась картина.

– Почему ты не уехал?

– Здесь или в другом месте, какая разница? Работаю на полставки на заводе. У меня красивый дом. Не огромный, но замечательный. Сама увидишь. В конце сада есть специальное место для барбекю. Мой мотоцикл, мой *Mehari*^[12], мои друзья. Время от времени завожу романчик. Без обязательств. Нефтяной магнат позавидует!

Он встает и протягивает мне связку ключей.

– *Mehari* припаркован на улице. Желтый, не пропустишь. Мне тачка не нужна, а тебе пешком наматывать километры не резон, да и такси все время вызывать не с руки.

– А как же ты?

– Обойдусь мотоциклом.

Он целует меня в макушку.

– Пора на работу. До ско...

– Как звали Шарпея?

– Я больше никогда не произнесу его имя вслух!

15

24 октября 2010

Я возвращаюсь в Париж или остаюсь еще на несколько дней? Очень хочется пошарить по углам в доме на улице Фреден, а потом лечь спать и увидеть во сне тетю, услышать, как она ко мне обращается. Хорошо бы найти записку с объяснениями, оставленную специально для меня. Жизненно важно понять, как она провела последние годы жизни, пыталась или нет связаться со мной. Хотела защитить себя? А может, кого-то еще?

Я села в желтую машину и поехала на кладбище. Папа обожал *Mehari*. Теперь я понимаю почему. В ней есть нечто поэтичное и ностальгическое, как в сонате Шопена. Папа не успел обзавестись такой.

Я стою у могилы неизвестной (или неизвестного?). Кто там лежит? Пара синих башмаков на месте. Совсем не пострадали от времени и непогоды. Выглядят как новые. Как лицо Льеса. Такое прекрасное. Не могу перестать думать о том, что узнала. Что ему сделал тот монстр? Почему он не желает рассказать даже сегодня?

В кармане задрожал мобильный, номер незнакомый, но я отвечаю. Это Натали Гранжан, журналистка из *Journal de Saône-et-Loire*, она хочет встретиться, и я предлагаю «Маленький бар», через час.

– Ты в «Монже»?

– Да.

– Хорошо, там будет удобнее.

Меня зовут Аньес Дюген, урожденная Септамбр. Я дочь скрипачки Ханны Рубен и пианиста Жана Септамбра. Я сохранила фамилию бывшего мужа, Пьера Дюгена. По официальной версии – чтобы не менять имя, под которым меня знают в мире творческих людей, а по правде – чтобы досадить новой спутнице Пьера. Я родилась 22 октября 1972 года. Сейчас 2010-й, мне только что исполнилось тридцать восемь, а моей дочери – пятнадцать. На выборах я всегда голосовала за левых. И верю в Бога.

Я могла бы сказать, что мой бывший муж – великолепный артист и ветреный мужчина. Что я до безумия его любила, а теперь совсем разлюбила, но на самом деле все великолепие улетучилось вместе с ветреностью и я все еще люблю его. Я колеблюсь между двумя этими словами. Пьер чертовски обаятелен – наша дочь Ана считает, что говорить можно об «обаянии ума». Родителей не стало давно, тетя только что умерла второй раз. За много последних месяцев я не написала ни строчки. Вдохновение иссякло. Мозг пуст, как белый лист. Нет желания снимать. Не хочется краситься, одеваться, собирать группу, искать соавторов. Сказать нечего и незачем. Я одна. Я – разведенка. Кажется, все желания испарились. Запас чувств истощился. Сердце стало потертым и дырявым, как старые джинсы с блошиного рынка в Сент-Уане. Я хочу только одного – одиночества, хочу разговаривать с бродячей собакой или ничейным котом, с птицами в небе или случайно приземлившейся на мой свитер божьей коровкой.

Я сняла пять картин, из которых одна короткометражная. Первый «большой» фильм получил, как принято говорить, «единодушное признание». Пять премий «Сезар», две номинации на «Оскар» в категории «Лучший иностранный фильм» и «Лучший оригинальный сценарий», три «Золотых глобуса» и много всяких других призов. С «Банкетом выпускников» я объехала весь свет. Бывший муж исполнял одну из главных ролей – играл любимого сына. Он был роскошен. Утончен. Потрясал воображение. Переворачивал душу. Получил пять международных премий.

Действие фильма происходит с десяти утра до семи вечера одного дня. Четыре поколения собираются за столом, чтобы отпраздновать

день рождения старейшины семьи. Я могла бы выбрать другое название – «Воскресение за городом», – но его уже дал своему великолепному фильму Бертран Тавернье^[13]. Я снимала в июне, в Живерни, чтобы изображение вышло красивым.

В картине было много Баха, любимого композитора моих родителей.

Действие начинается ранним утром. «Сегодня будет прекрасная погода». Все смотрят на небо. Кругом цветущая загородная идиллия. Официанты суется возле большого стола, приказания отдает старик, за его спиной тенью маячит жена. Она дышит в такт мужу и выглядит милой, хотя это не так. Подчиненное положение иногда превращает людей в чудовищ. Постепенно собираются родственники, паркуют машины перед домом. И чуть в отдалении. Очень важно отметить, где кто ставит тачку, заранее решая, остаться или сбежать при первой же возможности.

Каждый – ребенок, племянник, кузен – приезжает, предвкушая удовольствие или преодолев внутреннее сопротивление, жаждет ласки или благосклонного взгляда патриарха. За всеми тянется шлейф провалов и душевных ран. Они рады встрече, но боятся подведения итогов и чужих суждений о себе. Дети удирают от взрослых, чтобы вволю нахохотаться, выкурить сигарету и поговорить об одиночестве – собственном и своих родителей, которыми больше не восхищаются. Оставшиеся за столом выпивают, тон разговора то взлетает, то падает, звучат песни Шарля Трене, Жан-Жака Гольдмана, Джейн Биркин и Жана Ферра. Кто-то рассуждает на ту или иную тему, ему возражают, чувства закольцовываются, настроение меняется, вибрирует, как стрелка компаса.

Аперитивы, закуски, основные блюда, хрустальные стаканы, красные вина, графины, букеты розовых и белых пионов, торт. Все хором поют «С днем рождения тебя!». Одну из пяти недель я снимала каждого поющего по отдельности: выражение лица, взгляд. Кофе, скатерти цвета сепии в пятнах от еды, раздачу подарков.

Меня тогда сравнивали с Джейн Кэмптон^[14].

«Французская Джейн Кэмптон» – дружно повторяли журналисты разных изданий. Я очень смеялась над этим сравнением. А почему не Майкл Джексон? Людей сравнивают, сортируют по жанрам... Что может быть глупее? Впрочем, благодаря этому фильму я нашла

финансирование для следующих. Меня обхаживали, я всю развлекалась, мы с Пьером работали как каторжные, все обсуждали, спорили, я писала для него, он был моим источником вдохновения. Мы делили друг с другом дом, любовь, работу, обожаемую дочь, отпуск, планы на будущее. Он не смотрел на других женщин, зато они всю на него пялились. Годы. Мы все чаще поднимались на сцену за призами, я в изысканных черных платьях, взятых напрокат, он – в шикарных смокингах. Мы, как говорится, были в тренде, а кроме того, мой муж был забавным. Не только со мной – со всеми. Вторая натура. Пьер был неотразим, никто не мог устоять против взгляда его черных глаз и чуть насмешливой, но ни на минуту не презрительной улыбки. А я... я чувствовала усталость. Цена славы – усиливающийся, давящий страх от мысли, что тебе больше нечего сказать. О чем я расскажу в следующем фильме? Черт, как же страшно повториться!

Среди женщин, на которых не обращал внимания мой муж, одна не просто смотрела – она накинулась на Пьера. Она благоухала, была нежно-сахарной. Она жаждала и внушала желание. Он не возражал – сначала ему захотелось понять, попробовать на вкус другую женщину: несмотря на разницу в возрасте, у него, кроме меня, никого не было, ведь если есть место для кого-то другого, значит, оно есть в принципе.

Попробовав один раз, он быстро поменял все – и «десерт», и остальную жизнь. Переехал к ней. Она проводит у них две недели в месяц и половину каникул. Вот так «сладкий пирожок» испортил мне жизнь. По прошествии времени я влилась в число женщин, считающих, что они сами себе все портят. Что любимый человек не бывает виноват. В конце концов, вечно оставаться начеку невозможно, иначе жизнь превращается в чудовищную диктатуру.

16

24 октября 2010

– Я побывала в отделе актов гражданского состояния. Помнишь Ноэль Пик? Она там работает, и я попросила ее проверить, не было ли у твоей тети сестры-близняшки. Колетт ведь родилась в 1946-м, сразу после войны, тогда детей часто разделяли, чтобы кормить меньше ртов.

Натали Гранжан сидит напротив меня. Она совсем не изменилась. Не набрала ни грамма, на лице не появилось ни одной морщинки, а дырявые джинсы и гранжевую футболку, которую предпочитала в юности, сменила на костюм из синей фланели. Высокая, рыжеволосая, белокожая, с квадратными плечами, она держит в руках блокнотик и на манер лейтенанта Колombo лихорадочно записывает свои соображения, не задавая ни одного вопроса. От нее, как когда-то от мамы, пахнет лаком «Элнетт».

Когда Натали приехала в «Монж», мы обнялись, и у меня закружилась голова. Запах напомнил, какой бывала мама перед концертами. В последний момент, перед выходом к оркестру, она опрыскивала голову лаком, и волосы затвердевали, становились похожи на нейлоновые нити. Я любила их трогать. Мама говорила: «Перестань, Аньес, ты испортишь прическу». Стоило ей уйти со скрипкой на сцену, как я хватала баллон и начинала поливать себя прямо поверх бантов. Мои волосы всегда были спутаны, хотя мама расчесывала их по утрам и вечерам под мои жалобные вопли. Когда я отправлялась к тете, мама грозилась, что в следующий раз обрежет их под корень, если вернусь «с подобным безобразием». Я приходила в ужас – не хотела быть похожей на мальчика. Потом она обращалась к тете: «Пожалуйста, Колетт, пусть моет голову специальным шампунем раз в три дня».

Натали переворачивает несколько страничек блокнота и читает вслух:

– Колетт Септамбр, родилась 7 февраля 1946 года. Жан Септамбр родился 7 марта 1950 года. Ни намека на близнецов.

Вместо ответа бросаю:

– Ты украла у меня возлюбленного.

Она не понимает.

– Жака Добеля. Вы с ним однажды целовались в бассейне у меня за спиной.

Натали задумывается – и вспоминает, это ясно по глазам. Она в красном отдельном купальнике, он в темно-синих, с тремя зелеными полосками на боку плавках. У нее тело скульптурной красоты и молочно-белая кожа, она выше ростом, у него кожа золотистая и лоснящаяся, как корочка пирожного шу. Они в тени, за зданием, где продают конфеты и мороженое. Малиновое содержимое рожка попало

на штукатурку стены, капнуло на пол и растеклось лужицей крови. Натали жарко краснеет.

– Срок давности истек, – сипло произносит она.

– К предательству неприменимо.

– Ты шутишь, Аньес?

– ...

– Мы говорим о кузене Эрве, пижоне с мотоциклом?

– Да.

– Сколько нам было лет?

– Тринадцать. Возраст поцелуев. Лето 1985-го. Я думала, что помру с горя, когда увидела вас.

– ...

– Ты знала, что мы вместе?

– Да, – не моргнув глазом признается Натали.

– В тот вечер я вернулась домой «в кусках», в слезах, и тетя впервые поговорила со мной по-настоящему. Так что спасибо.

Она захлопывает блокнот, ей неловко, но сцены можно не опасаться.

– Из этой истории получился мой первый сценарий, – продолжаю я. – Трое подростков в бассейне, красивый мальчик, красивая девочка и тень – девчонка-проволочка. Место действия Л’Иль Адам^[15]. Может, поедим? Я проголодалась.

Я поднимаюсь, не ожидая ответа, и нахожу особу, отвечающую за номера и заказ еды до открытия ресторана. Молодая тощая женщина с длинной косой до пояса выглядит неприветливо и впадает в панику при каждой просьбе, как будто человек, заказавший чай или бокал вина, проявил безудержную эксцентричность.

Натали так и сидит в крошечной гостиной при холле отеля, напоминая фарфоровую куклу на краешке дивана.

– Мне очень нравится твой первый фильм, – сообщает она.

– Давняя история.

– Насколько давняя?

– С премьеры прошло четыре года.

– Готовишься к следующему?

– Нет. Кто, по-твоему, похоронен в могиле моей тети?

– Чтобы это узнать, придется поискать в прошлом.

– В чем именно?

- Твоей тети.
- Хорошо бы, но я пока не могу попасть в ее последнее жилище.
- Почему?
- Будет расследование. Вход запрещен.

Натали что-то записывает в блокнот.

- Ты замужем?
- Живу с подругой.
- Черт, значит, кому-то просто не повезло!

Мы хохочем.

– Вот о чем я подумала: ты работаешь в газете, может, сумеешь найти объявление о смерти Колетт? Трехлетней давности.

– Конечно, сделаю. Хочешь, чтобы я написала статью о «двойной кончине»?

– Хорошая мысль... Статья может развязать языки... Или нет. Увидим.

На следующий день материал Натали появился на сайте *Parisien*. Иллюстрированные журналы вроде *Déetective* приукрасили его, добавив историю о краже тела.

Тетя, такая застенчивая, говорившая очень тихо, чтобы никому не помешать, всегда бесшумно придвигавшая к себе стул, тетя, такая деликатная, что как будто двигалась беззвучно, вознегодовала бы. Во всяком случае, мне так кажется. Но Колетт должна была знать, что ее вторая смерть не пройдет незамеченной, хотя исповедовала принцип: «Что происходит в Гёньоне, остается в Гёньоне...» «За исключением нескольких игроков, никто нас не знает», – часто повторяла она. Не исключено, что тетя планировала умереть много позже.

Стоило некоторым журналистам выяснить, что «женщина, почившая три года назад, была родственницей Пьера и Аньес Дюген, знаменитых актера и режиссера», в таблоиде, в рубрике «Скандалы, интриги, курьезы» напечатали нашу древнюю фотографию в качестве иллюстрации к трем предложениям: «Они узнали, что покойный член их семьи... не умирал. Кого спрятали в захоронении? Причина для испуга и основа нового сценария».